

NON OMNIS MORIAR? ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ

*Я не правитель Гондора и не властую иными краями,
ни великими, ни малыми. Однако же в нынешнем мире
я в ответе за все, что достойно спасения.*

*И коль уж на то пошло, пусть даже Гондор падет,
я исполню свой долг, если, когда склынет мрак,
учелеет хоть что-то от земной красоты,
если будут для кого-то расти цветы и вызревать плоды*

Дж.Р.Р. Толкин. «Властелин колец»
перевод В. Муравьева, А. Кистяковского

Бесконечно трудно собрать воедино и выразить в печатном тексте портрет человека. Будто бы подобные заметки должны подводить некоторые итоги, но делать этого совсем не хочется. Не думалось, что хоронить Учителя придется так скоро.

Наверное, для каждого Евгений Владимирович запомнился по-своему – сын, муж, отец, брат, друг, коллега, «полевой» товарищ, учитель. В одном из своих писем из больницы он писал нам: «Я человек удачливый, мне в жизни везет на хороших людей». Нам тоже в этом смысле повезло. Е.В. мы без тени сомнения можем назвать своим Учителем. Хотя сам он по этому поводу часто скромничал, говоря о своем незначительном влиянии: «Чему-то вы научились и у меня, а значит – *non omnis moriar*». Но без Е.В. мы вряд ли бы остались в Саратове, вряд ли бы занимались сейчас античностью, вряд ли бы писали этот текст вместе.

* На фото слева направо: Т.А. Долгова, Е.В. Смыков и М.Н. Растегаева, Саратов, 2022 год.

Е.В. был разным. Порой он раскрывался совершенно неожиданно – в долгих разговорах и переписках мы постепенно узнавали Человека. Искреннего, преданного своему делу, несмотря на все перипетии жизни, по-особому любящего людей вокруг себя, порой вспыльчивого и резкого, пренебрегающего сроками и правилами – «ведь нормальные герои всегда идут в обход». Но в одном его нельзя было упрекнуть точно – Е.В. никогда не был равнодушным. Наверное, этим он и притягивал к себе, хотя иногда полярность его взглядов и интонации, с которыми Е.В. их выражал, несколько пугали. Эта его противоречивость и подкупала.

Наши знакомства с ним произошли несколько по-разному, но одно в них было неизменным – встретившийся в самом начале научных поисков человек очаровал своей энергией, энтузиазмом, скрытым за разочарованием в высшей школе, и правдорубством, разрушающим привычные нормы формального общения. За внешней небрежностью оказался удивительно внимательный к деталям и невероятно отзывчивый специалист, который и втянул нас в мир римских древностей. Наслушавшись мрачных рассказов старшекурсников о парах и экзаменах у Смыкова, начинать разговор о возможной специализации было, мягко говоря, страшно, но куда же денешься с подводной лодки? На удивление Е.В. отреагировал очень спокойно и даже положительно, хотя нечто скептическое явно читалось в его взгляде. И сразу предложил сделать доклады на грядущую Ювенту. С этого момента началась череда встреч после пар с разговорами о темах и книгах. На первых порах это было трудно назвать обсуждениями – сначала поступали наши вопросы, после чего шли долгие и обстоятельные монологи Е.В. – о наших текстах, студенческих конференциях, перипетиях университетской жизни и реалиях науки об античности. Как сейчас понятно, Е.В. тогда себя очень сдерживал, подбирая выражения и опуская некоторые моменты. Он отличался действительно живым отношением к делу. Было видно, что он искренне любит то, чем занимается. Римских деятелей он часто называл уменьшительно-ласкательными «Помпеюшка», «Гнеюшка», «Секстушка». О римской кухне он мог говорить часами.

К очным встречам почти сразу добавилось общение «голубями» – часто за отправленными по электронной почте вопросом или просьбой следовало огромное полотно текста от Е.В. с кучей прикрепленных к нему файлов со статьями и монографиями, после чего всегда была неизменная приписка «Успехов! Е.С.». Но, как правило, Е.В. любил работать с распечаткой – на страницах с текстами докладов помещались его правки и комментарии – редактировал принципиальные вещи, корректировал технические огехи, порой «коцал» изначальный вариант довольно сильно, зачеркивал лишнее и, не соглашаясь с интонациями, оставлял на полях колкие замечания (иногда после сам их и зачеркивал), которые потом приходилось долго расшифровывать. Случались и неприятные оказии: «Произошла катастрофа – я сам или кто-то из моих орлов растоптал свисавший на пол конец шнура от принтера, и его подключить невозможно». За 9 лет работы с Е.В. был сделан не один десяток докладов, написаны курсовые, дипломы. Ну и

диссертации, конечно... Которые он как честный человек тоже успел прочитать и поправить, завершив работу с ними за несколько дней до смерти. Несмотря на постоянную загруженность по делам учебным, долги по своим статьям и многочисленные домашние хлопоты, Е.В. всегда находил время на наши тексты. «Статью я, конечно, посмотрю, о ней переговорим, прочитаю внимательнейшим образом».

Но что самое удивительное – Е.В. никогда не считал, что его мнение было единственно правильным. Он был категоричен в отношении каких-то откровенных глупостей и досадных ляпов в наших текстах: «По этому сумбуру вместо музыки я и прогулялся»; но в основном с ним всегда можно было спорить. «Мои правки стилистические и не обязательно верные, просто – как предмет для размышления». Каково было удивление студенток второго курса, которым в ответ прилетала фраза: «Пинайте и меня, если я в чем-то не прав». Е.В. считал нужным ничего не навязывать, оставляя каждого идти своей дорогой, но, если кого-то дорога привела туда же, куда и его – всячески поддерживать, часто повторяя, что «это все дело наживное, научитесь». Но важнее всего в этом общении была какая-то редкая для нашего времени искренность и честность – без деления на «своих» и «чужих», без вечных разборок и недомолвок, без политических игр и цинизма.

Любая помощь или совет всегда были естественными и нормальными в любое время и без всяких «можно». «Наше политическое кредо – «всегда!» (ну, еще, конечно, «всех!», но в данном случае это неактуально)». Но всякий раз попытка сказать Е.В. «спасибо» за его многочисленные старания, наталкивалась на возражения в духе «нужно еще разобраться, кому спасибо, мне или вам, тем, кто меня терпит. А что до меня – то мне такая поддержка, конечно, очень помогает, когда терзают сомнения, нужно ли и т.п. Наверное, оно нужно. Знаете, как я называю начало нашей совместной работы сам с собой? «Время, когда меня подобрали». Без унижительного оттенка, юмористически, а все-таки мне ведь на тот момент казалось, что все кончено, и кому нужны эти языки, и этот Рим, и все остальное... а потом оказалось, что жизнь еще не кончена». В тот момент эти слова Е.В. казались не совсем понятными. Но теперь, когда уже сами начали работать со студентами, мы стали улавливать некоторые интонации Е.В.

Неизменно важными для Е.В. всегда оставались занятия древними языками, несмотря на постоянно напрягающую суету и громоздкость расписания. Ведь как можно заниматься античностью, не зная латыни и греческого? Рассуждая о критике источников, он часто говорил, что все вокруг врут, в особенности переводчики, а потому так важно, разбирая какой-то вопрос, обращаться к оригинальным текстам. Но настаивал на том, что делать это нужно без излишнего фанатизма, потому как «мы не филологи, чтобы тонкости постигать». И всегда обращал внимание на то, что главное в переводах древних авторов – не насиовать прямой смысл предложения, задумываться над структурой и особенностями грамматики, тщательно подходить к выбору слов и благозвучности итогового текста. «Я, конечно, не профессиональный переводчик, и, говорят, на последней редакции ВДИ

про мой перевод Цицерона сказали «как у Горенштейна, только хуже» – именно насчет языка, хотя все-таки приняли».

Мы часто говорили про жизнь, про науку, про ученый мирок, про методику работы, про школьное и университетское образование. О том, что хочется действительно заниматься делом, а не создавать научноподобный шум. Делать, думать и работать можно везде, ведь если что и сохранится – то благодаря вот такой тихой работе на местах. Все-таки наука требует, кроме прочего, спокойного размышления. Е.В. часто обозначал свои рассуждения на подобные темы фразой «старый Мазай разболтался в сарае», но именно его побаски о том, как было во время бно, об учителях, о «поле» и погружали в утопию, в которой это мир еще может быть теплым. За нашими рассказами в духе «коротенько о Вселенной» неизменно следовали его пожелания успехов в борьбе с супостатами, бодрости и реализации мечтаний. Нельзя расслабляться, когда речь идет о деле, а кольцо, которое тебе досталось, надо тащить, хочешь ты или нет.

Е.В. был порождением уже умершей книжной культуры. Всегда поражало то, как он мог по памяти цитировать стихи и прозу, вот так сходу! «А вы читали это? Нет? Обязательно прочтите! Я закажу на Алибе, вот встретимся в следующий раз, и я обязательно подарю!» В подобных случаях мы каждый раз мялись, а Е.В. всенепременно хотел поделиться каким-то добрым миром мечтателя и романтика, продолжающего искать своих героев на страницах книг. Нет, с его стороны наши откровенные пробелы, обнаруженные им, никогда не выглядели упреком, эта была та часть его жизни, которую он действительно хотел отдавать студентам, считая, что хорошие книги и фильмы гораздо важнее сухих фактов и дат. Однажды перед началом полевого сезона Е.В. подарил нам по сборнику стихов с формулировкой: «Открывайте, когда будет совсем тяжко». При случае он старался вручить нам очередную книгу – какие-то из своей библиотеки, какие-то купленные специально. Е.В. делился и любимыми фильмами – время от времени он собирал своих студентов для просмотра кино. Простого и хорошего, как он сам говорил. Особенно в моменты, когда хотелось отдохнуть душевного. Причем каждый раз восторгался давно и неоднократно просмотренными им кадрами как в первый, советовал что-то из любимых фильмов. Часто встречались перед Новым годом и Днем Победы, смотрели советское и в тему праздников.

Несмотря на случавшиеся порой резкие смены курса, Е.В. всегда оставался живым и искренним, очень тепло вспоминал работу в школе в Дурасовке, свои экспедиционные дни, несмотря на то, что сам уже очень давно не был в поле. И если в аудитории можно обмануться, то поле не обманешь. Мы часто делились с ним фотографиями из наших поездок – с практик, с конференций; нашим успехам он радовался как своим, несколько воодушевляясь, смотря на эти кадры. В редких случаях удавалось вытаскивать куда-то и его самого, ведь конференции – это живое общение, и никакими очно-заочными форматами его не заменишь.

Отдельная история – Смыков и кошки. Они действовали на него как-то особенно умиротворяюще и духоподъемно. Если в разговоре он начинал злиться, то стоило перевести тему на котов или показать фотографию – и он преображался, от былого гнева не оставалось и следа. Очень любил свою Ваську и называл ее «императрицей». В одном из своих писем он сокрушался, что «ввел бы жесткое уголовное наказание для тех, кто кошачьи лица мордами называет! У них же у всех лица умные – ни одного глупого кошачьего лица не видел, и они все про нас знают, и относятся к нам снисходительно».

Год после инсульта Е.В. выдался для всех нас непростым. Несколько месяцев, пока он лежал в больнице, с ним практически не было связи. Ему это далось очень нелегко. Но постепенно врачи разрешили Е.В. читать и писать, и мы стали обмениваться письмами через сыновей, Колю и Ваню. Обсуждали текущую суету, вспоминали что-то из прошлой жизни, строили планы на будущее. В основном речь была про наши защиты, конечно. И если мы сами часто сомневались в себе, то он был уверен, что с нашими текстами все так или иначе выйдет нормально. «Сейчас мне пришло в голову – вы нашли свой путь. Вы уже самодостаточны. В письмах я чувствовал, что кое-что не без моего влияния, и гордился этим. Я рад читать, что есть и такие чудаки в наше практическое время. Все будет, как надо». Что ж – снова в путь и снова с гномами? В какой-то момент начало зарождаться ощущение, что все вновь может вернуться в привычное русло. Время от времени Е.В. бил себя в грудь, говоря о планах на свою диссертацию: «Когда я напишу докторскую, заранее приглашаю на защиту, чтобы мне было на кого смотреть и о ком думать». К его дню рождения удалось передать в больницу нашу с ним совместную фотографию. В ответном письме он рассказал, что поставил ее на тумбочку, и кто-то спросил его: «Это Ваши дочки?». Он ответил: «Да, научные!». В письмах было видно, что духом он не пал. Писал свои размышления и замечания к нашим текстам, к текстам своих дипломников, о своих научных планах. Е.В. очень хотел работать и вернуться к прежнему ритму жизни, декларируя, что мы еще повоюем вопреки всем супостатам, мелкой суете и копошениям. «Бунин обзаводится самоваром, так что теперь будем под яблоньками и вокруг самовара (настоящего, не электрического)!» Вокруг самовара мы действительно посидели. Правда, после похорон.

Но совместного с А.В. Короленковым «Помпея» он все-таки доделал и даже успел подержать в руках свою новую книгу. Когда мы заглянули к нему в гости в последний раз он, как обычно, сам приготовил что-то на стол, вручил каждой по экземпляру из «авторских». Сказал, что подписи пока не придумал, подпишет, когда зайдем в следующий раз. Но следующего раза так и не произошло.

Итоги подводить не хочется. Будто бы он все еще сидит в своем кабинете, заваленный книгами, и редактирует очередную статью или диплом, читает свежую газету на крыльце корпуса, опаздывает на пару или занят, стряпая ужин для семьи и друзей. Насколько причудливо жизнь идет – за эти годы Е.В. стал для нас наставником не только

в науке, но и в жизни. И мы искренне благодарны, что такой человек был в наших судьбах. Был и остается. Курс на вираже не меняют. Все еще кажется, что на предстоящих защите он будет сидеть где-нибудь в уголочке, опустив голову, и внимательно следить за происходящим. Но с адреса smykov61@list.ru писем больше не будет. Хочется верить в то, что Е.В. жив, пока живо его дело. Пока мы смотрим его любимые фильмы, читаем его любимые книги, поем его любимые песни. Нам бы только ночь простоять, да день продержаться.

Евгений Владимирович, надеемся, что Вам не придется за нас краснеть!

*Пусть век солдата быстротечен,
но вечен Рим!*

*М.Н. Растегаева, Т.А. Долгова**

* Растегаева Мария Николаевна, Долгова Татьяна Алексеевна, ассистенты кафедры Истории древнего мира Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.